

Анна Ковалева

**СУДЬБА
В ПОДАРОК**

Анна Ковалева
Судьба в подарок

«Издательские решения»

Ковалева А.

Судьба в подарок / А. Ковалева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964088-8

Что движет человеком в его поступках? Желание? Страх? Любовь? Принадлежат ли ему эти чувства или кто-то заставил его думать, что он желает, боится, любит? Задумайтесь, почему иногда вы поступаете не так, как хотели бы... А что если у каждого человека есть кто-то, кто знает о нём гораздо больше, чем он сам? Главный герой живёт обыденной жизнью, но его постоянно мучают вопросы собственного предназначения. Столкнувшись с неразрешимой на первый взгляд проблемой, он полностью меняет свою судьбу.

ISBN 978-5-44-964088-8

© Ковалева А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
1	6
2	10
3	17
4	20
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Судьба в подарок

Анна Ковалева

© Анна Ковалева, 2019

ISBN 978-5-4496-4088-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- Я твой Художник.*
- Зачем мне художник? Я и так неплохо рисую. Или ты научишь меня лучше?*
- Я не учу рисовать, я сам рисую. Я рисую твою судьбу.*
- Такого быть не может, я сама рисую свою судьбу!*

Часть I

В погоне за правдой

1

В Галерее множество Художников упорно трудились над своими рисунками. Было очень душно, но никто не обращал на это внимания, поскольку за всеми строгим взглядом ясных голубых глаз следил Главный Магистр Судьбоведения и любое неповиновение наказывалось лишением возможности пересдать тяжёлый экзамен.

Ягель осторожно и медленно водил тонкой кистью по полотну, словно вытягивал из банки ложку мёда. По его лицу лениво стекали капельки пота, но Ягель не обращал на это внимания. Он мельком посмотрел на огромные настенные часы, мерно и безразлично ко всему отсчитывающие минуты, и издал тревожный вздох. До конца экзамена оставалась каких-нибудь пара минут, и Ягель явно был не в восторге от своей работы. Он посмотрел на сидящего рядом друга, и тот подмигнул ему.

– У вас осталось не более пяти минут, – строго поторопил своих подопечных Главный Магистр. – Заканчивайте и сдавайте работы.

Ягель в отчаянии кинул кисть в специальную баночку с водой и встал, разглядывая получившуюся работу. Времени (да и желания) на исправления всё равно уже не осталось, и Ягель решил не испытывать терпение Главного Магистра, поэтому дал рисунку высохнуть и, положив его на широкий стол из тёмного дуба, вышел из галереи.

– Получилось? – Ягель услышал сзади взволнованный голос своего лучшего друга Пабло. – Магистр сказал, результаты можно будет узнать завтра утром.

Ягель повернулся к нему. Пабло светился от возбуждения и был похож на прикроватный ночник.

– Я не уверен, что справился, – Ягель покачал головой. – Точнее будет сказать, уверен, что не справился. Сегодня не мой день.

Пабло хлопнул его по плечу.

– Да ладно тебе, подождём до завтра. Как говорится, надежда умирает последней. А мне вот уже не терпится получить Золотую кисть и начать настоящую работу с Человеком.

Ягель усмехнулся.

– И чего тебя так тянет к Людям? Неужели нет достойной работы в Полисе? Многие выпускники нашли себя именно в Полисе и сейчас, насколько я знаю, вполне довольны своей жизнью. Не обязательно же быть бессмертным Художником судеб!

Пабло резко остановился и с недоверием посмотрел на друга.

– Да ты что, это же наше призвание! – он сказал это с таким пафосом и вызовом, что Ягель невольно поёжился и задумался.

А ведь Пабло действительно верит в эту чушь про бессмертное призвание, которую им чуть ли не каждый семинар вливали в уши лучшие умы Полиса. Но теперь всё, обучение закончено, осталось только сдать этот чёртов экзамен и получить долгожданную свободу. В отличие от своего друга Ягель совсем не стремился на работу с Людями. Он не хотел тратить время на изображение человеческих судеб, он не хотел всю жизнь тенью следовать за Человеком и рисовать прошедшие/грядущие события его жизни. Гораздо больше его привлекала перспектива спокойной работы в Полисе, он хотел стать сначала помощником Мастера, а потом и самому стать Мастером, открыть свою мастерскую и быть наставником. В последнее время всё больше выпускников задумывалось над работой в Полисе, нежели чем с Людями, и,

не желая терять работников, магистры пропагандировали на занятиях эту ересь про призвание, привлекая таким образом выпускников к нервной гонке за Человеком, который тебя даже никогда не увидит.

Глядя на затуманенное мечтой лицо друга, Ягель с грустью убедился, что Пабло уже завербован, и решил сейчас не переубеждать его. Будет время, он обязательно с ним поговорит, а пока им стоило отдохнуть после тяжёлого дня, поэтому Ягель примирительно улыбнулся и предложил:

– Может, ночью пройдемся до паба? Я бы не отказался от расслабляющей порции виски от Мариетты.

Пабло расплылся в блаженной улыбке.

– Точно, сегодня же её смена, как я мог забыть! Я бы не отказался ещё и от расслабляющего массажа от Мариетты!

– Кто знает, может, сегодня тебе повезёт.

Ночной Полис очень сильно отличался от дневного Полиса. Ночью жизнь раскрывалась, как бутон созревшего цветка, жители выходили из своих домов, из душевных кабинетов, в которых прятались днём, словно беспомощные улитки, и позволяли себе забыть о дневных проблемах, наслаждаясь жизнью и свободой.

Дневной и ночной город были кардинально противоположны друг другу. Днём каждый житель должен был выполнять предписанные ему Великим Правителем обязанности в соответствии со своим социальным положением. Никто не спрашивал, почему и зачем, каждый беспрекословно исполнял свой долг. Но с наступлением темноты, когда Великий Правитель погружался в сон, строго упорядоченная дневная жизнь постепенно замирала, словно уходя в тень и уступая место безудержной ночи. Ночью было позволено всё. И именно ночью, среди вакханалии свободы и пьянства, во многих жителях просыпалась дремлющая днём революционная жилка. Свободолюбивые мысли, неизбежные при таком тоталитарном режиме и контроле, звучали повсюду, шёпотом и во весь голос, в пьяном угаре и в душевной беседе среди близких друзей. Однако жизнь в Полисе была устроена таким образом, что это свободолюбивое настроение было возможно только в ночное время, утром же, с первыми лучами солнца, все снова приступали к привычной работе, впадая в некий транс, словно забывали всё, что происходило ночью. Создавалось такое впечатление, что утром все разом теряли память. А может быть, кто-то в действительности намеренно *стирал* её. Этого с уверенностью не знал никто.

Пабло и Ягель появились в баре, где работала их знакомая Мариетта, в самый разгар веселья. В шумных группах, состоящих в большинстве своём из их однокурсников и других выпускников, вовсю обсуждались результаты прошедших по всему Полису экзаменов и перспективы дальнейшей жизни. Это была главная тема сегодняшней ночи, и даже привычные уже революционные размышления отошли на второй план. Более опытные работники, уже имеющие трудовой стаж, делились советами с молодым поколением. Однако Пабло и Ягель по обоюдному молчаливому желанию, поздоровавшись со всеми, с трудом протиснулись в самый дальний и спокойный уголок и жестом подозвали официантку. Мариетта не заставила себя ждать. Летящей походкой она подошла к столику и, кокетливо улыбнувшись и слегка наклонившись к Пабло, томно спросила:

– Чего изволите?

Её красное платье с белым фартуком – признак работников местного заведения – элегантно подчёркивало фигуру, а неглубокое, но соблазнительное декольте манило своей тайной.

– Двойной виски со льдом, пожалуйста, – попросил Ягель и толкнул в плечо застывшего в мечтательной позе друга.

Пабло смущённо встрепенулся и, не отрывая взгляда от Мариетты, неопределённо махнул рукой:

– Что-нибудь на твой вкус.

Он уже давно был влюблён в это прекрасное создание с изумрудными глазами и обворожительной улыбкой и страстно желал обладать ею не только в своих мечтах, но и наяву. Каждый раз он предпринимал очередную попытку, которая не приносила результатов, лишь разочарование в себе. Но сегодня Мариетта явно была в настроении, что предвещало Пабло возможную удачную попытку.

Звонко рассмеявшись и кинув на Пабло нежный взгляд, она развернулась, обдав друзей приятным ароматом духов, и ушла за заказом.

– Эй, Пабло, вернись с небес, я хотел выпить с тобой пару бокалов, ну а потом, так и быть, оставлю вас наедине, – сказал Ягель, с усмешкой наблюдая за другом.

– А, да, извини. Ты видел, *какая* она сегодня? – Пабло в восхищении выдохнул.

– Сногшибательная? – подсказал Ягель, скрывая улыбку. – Думаю, сегодня тебе светит-таки умопомрачительное свидание.

– Это было бы волшебно! – мечтательно зажмурил глаза Пабло.

Вскоре Мариетта принесла заказ: порцию виски для Ягеля и светло-зелёный напиток с дольками какого-то экзотического фрукта и кусочками льда для Пабло. Поставив бокалы на стол, она слегка наклонилась к Пабло и прошептала:

– Я через час заканчиваю работать. Жди меня у чёрного входа.

Когда она ушла, Пабло залпом выпил половину своего бокала и, громко выдохнув, обеспокоенно произнёс:

– Вот это да! Как я выгляжу?

– Мариетта будет в восторге, – Ягель хлопнул его по плечу.

– Ладно, со мной всё ясно. А у тебя-то какие планы на ночь?

Ягель неохотно пожал плечами.

– Да прогуляюсь немного по центру города, как обычно, и спать пойду. Завтра же вставать рано. Кстати, смотри не проспай.

– Надо бы и тебе найти кого-нибудь, – не обращая внимания на колкую шутку, Пабло оглянулся, словно пытался найти симпатичную девушку для друга. – Почему ты не хочешь начать отношения?

Ягель закатил глаза: эти темы по поводу отношений начинались чуть ли не каждую ночь и уже порядком надоели ему.

– Ты прекрасно знаешь ответ.

– Но ведь в этом смысл нашей жизни: создать крепкий союз со своей Хозяйкой и найти своего Человека, чтобы следовать за ним до конца жизни.

– Вот, кстати, насчёт этого, – Ягель обрадовался возможности сменить тему и ловко ухватился за неё. – Так что, если ты удачно сдал экзамен, пойдёшь искать своего Человека?

– Конечно! Я мечтал об этой работе с первого курса! А ты разве нет?

Ягель исподлобья посмотрел на него и вдруг решил, что нужно сказать, сказать сейчас, сей момент, ибо терпеть и мучиться в одиночку уже не было сил.

– Я не уверен, что это правильно. Ты никогда не думал, что все эти призывы к работе с Человеком – полная бессмыслица?

– Так ты, выходит, революционер? Это тебе к «чёрным революционерам» нужно.

«Чёрными революционерами» в Полисе называли неуловимую группировку, члены которой имели наглость и смелость высказывать запрещённые идеи днём. На них повсеместно велась охота, но, поскольку «революционеры» были весьма проворны и изобретательны, им каким-то образом удавалось долгое время скрываться от ока Великого Правителя. Никто не знал ни их численности, ни имён, ни вообще, существовали ли они на самом деле. Поскольку ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию никто не мог, слухи оставались на уровне слухов, а словосочетание «чёрный революционер» стало символом революции.

– Я серьёзно, ты только представь. А что если Человеком управляет не высшая сила, что если его поступки и решения заранее не известны и зависят лишь от него и ни от кого более? Что если он волен сам распоряжаться своей судьбой и менять её? Что если никакой высшей силы и в помине не существует? – Ягель выпалил эту пламенную речь на одном дыхании, словно долго готовился к выступлению и вот наконец благодарный слушатель нашёлся.

Но «благодарный слушатель» смотрел на него не с восхищением, а, скорее, с упреком и даже страхом.

– Это уже не просто революционные мысли, это сомнение в нашем существовании! В *правильности* нашего существования, я бы сказал, – Пабло посмотрел на него с вызовом, яростно защищая идею всей своей жизни, и рефлексивно дёрнул рукой.

Оставшееся содержимое его бокала плавно, словно в замедленной съёмке, скользнуло на пол и растеклось в разные стороны, унося с собой кусочки льда и фруктов. Пабло печально посмотрел на опустевший бокал и сердито сказал Ягелю:

– Я не хочу больше слушать эту чушь! Не порть мне прекрасный вечер! И вообще, знаешь что? Я сейчас пойду и заберу девушку своей мечты на свидание, а ты оставайся здесь и найди себе компанию по душе, – Пабло широким жестом руки обвёл посетителей паба, давая понять, что среди них найдётся тот, кто поддержит Ягеля.

Он встал и, с грохотом поставив бокал на стол, сказал:

– Увидимся завтра утром. Если тебе, конечно, ещё интересны результаты.

Ягель наблюдал за тем, как Пабло подошёл к Мариетте и что-то шепнул ей. Та кинула удивлённый взгляд на Ягеля, но Пабло одёрнул её, и она поспешно кивнула. Затем его друг покинул бар, а через некоторое время вслед за ним, сняв своё фирменное платье и переодевшись в повседневную одежду, выскочила Мариетта.

Ягель в одиночестве неспешно глотал уже третью порцию виски, и разум его постепенно затуманивался. Обсуждать с кем-либо ещё поднятую тему он не решился. Раз уж его верный друг так остро отреагировал, то малознакомые товарищи могут сразу же сообщить, куда следует, и его заберут на допрос. В лучшем случае. А в худшем... Скорее всего, его больше никто и никогда не увидит. Даже и не вспомнит о нём, поскольку работать с памятью, судя по всему, в Полисе умели очень хорошо. А как же всё-таки хотелось вытянуть из себя эти угнетающие душу и испепеляющие разум мысли и аккуратно сложить их в коробочку на замке, доставая оттуда по необходимости!

Допив свою порцию и расплатившись, Ягель, уже смутно осознающий своё местонахождение, нетвёрдой походкой вышел из бара. Ночной свежий воздух тут же ворвался в его лёгкие, вдыхая жизнь в уставшее за день тело. Сделав глубокий вдох, Ягель ощутил прилив жизненных сил и устремился на пустынные ночные улицы, которые настраивали его на творческий лад. Может, действительно стать Художником человеческой судьбы? Может, Пабло прав, может, это и есть их призвание? Только вот как же найти *того самого* Человека?

При этой мысли Ягель задумчиво посмотрел на одинокий фонарь, чему-то улыбаясь, и внезапно остановился, словно подкошенный, резко упал вперёд на одно колено, будто кто-то с силой толкнул его, и рефлексивно начал размахивать руками, пытаясь найти опору. Лёгкие его болезненно сжались, и он судорожно начал хватать ртом воздух. Судороги продолжались несколько минут, и, когда уже не хватило сил сопротивляться, он безжизненно повалился всем телом на холодный асфальт. Прежде чем затуманенное сознание покинуло его, Ягель успел заметить вышедшего из ближайшего дома мужчину, который тут же кинулся к распростёртому телу.

2

В это самое время в центре города, в одном из коридоров Главного Архива, вдруг слегка приоткрылась дверь в Особую комнату. Один из служащих Вечной охраны вздрогнул, поскольку никогда такой вопиющей наглости самой по себе не происходило, тем более глубокой ночью, и с удивлением и благоговением уставился на пролившийся из образовавшейся щёлочки в тёмный коридор мягкий свет. Безмолвно переглянувшись со вторым охранником, который стоял по другую сторону от двери в Особую комнату, он слегка кивнул головой в сторону лучика света и взглядом спросил коллегу о дальнейших действиях. Сходить с места и шевелиться им запрещалось инструкцией, за исключением непредвиденных обстоятельств, таких как стихийное бедствие, например. Второй охранник задумался, можно ли расценить произошедшее как «непредвиденное обстоятельство». С одной стороны, ничего сверхъестественно страшного не произошло, всего лишь приоткрылась дверь, но, с другой стороны, конечно, это было, мягко говоря, странно. Особая комната потому и называлась «особой», что доступ к ней имели только «особые» и никто, кроме них, даже не знал, что находится в этой комнате. Посторонние не имели права входить туда. И, учитывая то обстоятельство, что комната была *заперта*, непонятно, кто бы мог захотеть из неё выйти.

Второй охранник соображал несколько минут, после чего, проигнорировав все правила и приложив палец к губам, нерешительно протянул руку и закрыл дверь. Свечение тут же исчезло. Охранники застыли и прислушались. Ничего более не происходило, дверь оставалась закрытой, и лёгкая испарина, выступившая от волнения на лбу первого охранника, начала высыхать.

Тем не менее внутри комнаты всё-таки кое-что произошло, оставшееся, впрочем, незамеченным никем. В большом просторном помещении, очень светлом и даже каком-то, на первый взгляд, воздушном, от огромного, размером почти во всю комнату, белого облака отделились и выплыли две бесформенные бледные фигурки, чем-то смутно похожие по очертаниям на младенцев, и, перегоняя друг друга, направились к колодцу в углу комнаты. Около колодца, зияющего пугающей чернотой, плывущие фигурки замерли, и тут же колодец, как экран компьютера, осветился, и по его поверхности замелькали цветные картинки. Скорость смены картинок была слишком высокой, чтобы человеческий глаз, если бы он находился рядом, смог их различить, но обе фигурки как будто спокойно ждали нужной картинки. Наконец дикое движение остановилось, картинка на глади колодца явила миру хмурое женское лицо с тусклыми глазами, и одна из воздушных фигурок, сделав лёгкое движение, оттолкнула вторую и словно впорхнула внутрь колодца и исчезла. Когда вторая фигурка хотела влететь вслед за первой, «экран» колодца вдруг погас, не пропуская её внутрь. Тут же с потолка опустилось некое подобие сетки, подхватило замершую фигурку, «втянуло» её в потолок, и воцарилась полная тишина, не нарушаемая более ничем.

Ягель пришёл в себя на больничной койке. Воспоминания возвращались к нему с трудом, однако, на удивление, чувствовал он себя прекрасно. Повернув голову, он заметил сидящего рядом Пабло с бледным лицом. Увидев друга, Ягель что-то вспомнил, сел на кровати, тронув Пабло за плечо, и спросил:

– Кажется, я испортил тебе свидание?

Пабло вздрогнул от неожиданности и радостно сказал:

– Да чёрт с ним, с этим свиданием, как же я рад, что ты в порядке! Мы с Мариеттой так перепугались, когда узнали. Я сразу примчался. Ты как?

Ягель скинул одеяло и попытался сесть. Пабло помог ему.

– Я в норме. Что с экзаменами? – вспомнил Ягель. – Вообще, сколько времени прошло?

– Ты был без сознания всю ночь и утро. Сегодня утром я уже ездил в галерею. Результаты известны, – он замылся, затем решился и продолжил: – В общем, я сдал экзамен на высший балл. А ты, к сожалению, нет, в смысле, вообще не сдал, – Пабло виновато посмотрел на него.

Ягель поморщился, хлопнул друга по плечу и весело ответил:

– Поздравляю, ты теперь квалифицированный Художник, твоя мечта сбылась! А за меня не переживай так, я знал, что не сдам, да мне и не хотелось особо.

– А ты не хочешь попробовать пересдать экзамен? Я думаю, Главный Магистр не будет против.

Ягель немного помялся, понимая, что сейчас придётся вспомнить их вчерашний разговор, и осторожно ответил:

– Ну а смысл? Я вчера представил тебе свой взгляд на наше обучение и вообще существование в целом.

Пабло нахмурился, но переборол своё желание спорить с другом и начал приводить аргументы:

– Тебе всё равно нужно закончить обучение и получить Кисть, пусть и не золотую, но Кисть нужна каждому Художнику. Тем более...

– Что «тем более»? – насторожился Ягель.

Пабло решил не томить друга и тут же раскрыл все карты:

– Понимаешь, как только Магистр узнал о случившемся с тобой, он велел тебе прийти к нему, как только ты сможешь. Он сказал, то, что с тобой произошло, может быть связано с появлением твоего Человека.

– Что? – Ягель непонимающе посмотрел на него.

– Ну ты сам-то думал, *что* с тобой произошло и почему?

– Я ничего не понял, я просто вдруг упал навзничь на улице. Такого со мной никогда не случалось.

– Магистр сказал, что такое иногда случается с Художниками, настоящими Художниками, понимаешь? Он сказал, что это твоя судьба, твоё призвание. Он сказал, что ты должен получить Кисть.

Ягель молча смотрел на него. Слова Пабло скорее озадачили его, нежели чем заинтересовали. Главный Магистр должен был иметь веские доказательства, чтобы выдвигать такую версию. Конечно, в словах Магистра звучало больше пафоса и мишуры про судьбу и призвание, которые Ягель терпеть не мог, к тому же он совершенно не стремился к получению Кисти и не поменял своего решения, но всё же подумал, что стоит сходить к Магистру.

Светлый просторный кабинет, в центре которого за большим столом восседал Главный Магистр, находился на последнем этаже галереи, и чтобы до него добраться, нужно было преодолеть немало крутых лестниц.

В кабинете находились двое: Магистр и его помощник.

– Сэр, скажите, почему Вы так уверены, что он справится? – помощник старался тщательно подбирать слова, поскольку спорить с Главным Магистром не решался никто.

– Я это знаю, – Магистр отвечал спокойно.

– Но ведь он не сдал экзамен! – не удержался помощник. – Как можно доверить ему человеческую судьбу?! А если он ошибётся?

– А если сейчас ошибаешься ты? От ошибок никто не застрахован, даже Художник, – улыбнулся Магистр и спокойно, ровным голосом сказал: – Ягель, заходи, не нужно топтаться около кабинета. А ты иди, – кивнул он помощнику. – Я позову.

Тут же дверь открылась, и в кабинет зашёл растерянный и немного смущённый Ягель, а помощник проскользнул наружу, окинув Ягеля недовольным взглядом.

– Садись, – предложил ему Магистр, указав на стул. – Я так понимаю, это Пабло направил тебя ко мне?

– Не подумайте, что я напрашиваюсь на пересдачу или мне так нужна эта Кисть, нет. Я пришёл не за этим. Я хочу знать, почему Вы решили, что произошедшее со мной связано с рождением человека? – Ягель внимательно смотрел на него.

Магистр улыбнулся ещё шире и безмятежно ответил:

– Во-первых, не с рождением, а с появлением человека.

– И в чём же разница?

– Этот человек ещё не родился, но это произойдёт очень скоро. Учитывая, что время в нашем мире и на Земле течёт по-разному, я думаю, это произойдёт в течение ближайших дней, – Магистр говорил размеренно и спокойно, при этом накручивал седой локон волос на палец.

Ягель прищурил глаза.

– Я не очень понимаю Вас. То есть этот... человек ещё не родился, но случившееся со мной как-то связано с ним?

– Я полагаю, что душа этого человека уже вселилась в нужное тело, и этот момент совпал с твоим... кхм, падением. Такое случалось неоднократно, многое – на моих глазах. Это твой Человек, Ягель.

– Я не хочу этого, – покачал головой Ягель, словно пытаясь забыть эти слова. – Даже если это правда, я не буду пересдавать экзамен. Не хочу. И заставить меня Вы не сможете, – сказал он бесцеремонно и встал.

Вести себя так в присутствии Главного Магистра было непозволительно, но Ягелю было всё равно. Он верил в стройную теорию жизни, которую сам создал, и не желал её ломать.

– Я и не буду тебя заставлять. Завтра ты сам придёшь. Жду тебя в двенадцать.

Магистр встал, и Ягель понял, что разговор окончен. Не получив никаких доказательств, лишь гипотезы, разочарованный Ягель медленно вышел.

– С чего он вообще взял, что мне это нужно и я приду? – говорил он чуть позже Пабло. – Этой чушью про призвание мне не запудрить мозги!

Тем не менее ровно в полдень он стоял в центре пустынного кабинета в правом крыле галереи. Наверное, даже самому себе, даже где-то в глубине души Ягель не смог бы ответить на вопрос, почему он пришёл. Какой-то внутренний толчок заставил его встать с кровати и прийти в галерею.

Магистр сидел в кресле и раскуривал трубку. Услышав, что Ягель вошёл, он даже не поднял на него глаз, но указал жестом на единственный мольберт, стоящий у окна.

– Приступай к работе.

Ягель озадаченно спросил:

– Что я должен рисовать?

– То, что приходит тебе в голову, – как ни в чём не бывало ответил Магистр. – Что угодно, просто закрой глаза и представь... а потом рисуй. У тебя есть два часа.

Ягель нахмурился и мысленно отругал себя за то, что вообще пришёл сюда. «Что я здесь делаю? Бред... Что это за „экзамен“ такой?!» Но выбора не оставалось: голубые глаза уже всюду сверлили его взглядом, и Ягель, сжав губы, взял в руки кисть и сосредоточился на своих мыслях. Почему-то в голове его тут же стало пусто, и единственная картинка, вспыхнувшая в мыслях, была весьма странной: одинокое белое длинное здание больницы в предрассветных лучах солнца.

Ягель скривил губы и уже хотел бросить кисть, но вдруг им овладел какой-то азарт. «Ах так, первое, что придёт в голову? Получайте, господин Магистр!»

Весь экзамен Магистр внимательно наблюдал за действиями Ягеля, сохраняя молчание. Не сказал он ничего, даже когда Ягель закончил работу и отложил кисть, откинувшись назад,

чтобы осмотреть получившуюся работу. Ягель работал без удовольствия, как будто по принуждению и, скорее даже, из какого-то интереса, однако неожиданно рисунок получился весьма неплохим и полностью отражал пришедшую на ум картину.

– Когда я смогу узнать результат? – взглянув на Магистра, осторожно спросил Ягель, потому что почувствовал себя неловко в этом гробовом молчании и захотел его нарушить.

– Я сообщу, – кивнул Магистр. – Ты можешь быть свободен.

После экзамена Ягель первым делом решил навестить Пабло, который должен был уже сегодня утром стать счастливым обладателем Золотой кисти.

Спальный район Полиса представлял из себя замкнутую структуру аккуратных домиков, ограниченных каждый персональным палисадником с необыкновенно красивыми цветами, выращенными заботливыми Хозяйками. Никто, кроме Хозяек, не имел права заниматься садоводством. Это было основным принципом хорошо организованной структуры Полиса: у каждого социального слоя, у каждого жителя были свои строго ограниченные права и обязанности, никто не имел права заниматься иной деятельностью, не прописанной ему Великим Правителем. Женщины в Полисе имели право занимать лишь место Хозяек, создающих и поддерживающих семейный очаг и хозяйство в доме. Однако право проживания в уютном отельном домике житель Полиса приобретал только после официального создания союза, а до этого момента молодые люди снимали квартиры в многоэтажных домах.

Ввиду того что Пабло пока не создал союз с Мариеттой (да и неизвестно, создаст ли вообще) и не обзавелся своей Хозяйкой, Ягель направился в сторону серой многоэтажки, расположенной недалеко от галереи. В этот час во дворе дома было пустынно, и Ягель, не задерживаясь, поднялся на шестой этаж и позвонил в квартиру, в которой жил его друг. Дверь распахнулась через несколько секунд, и на пороге появился довольный Пабло с бокалом в руках. Из квартиры доносились приглушённые звуки музыки и весёлого непринуждённого общения, пахло алкоголем.

– Наконец-то! Мы тебя уже заждались! – улыбка Пабло при виде лучшего друга стала ещё шире, он затолкал растерявшегося Ягеля внутрь и закрыл дверь.

– Мы?! – Ягель пребывал в некоем замешательстве. – Слушай, а что у вас здесь происходит? Разве вечеринки разрешены в дневное время?

– Меньше часа назад я получил Золотую кисть как один из лучших учеников курса! – Пабло словно светился от переполнявших его хороших новостей. – Главный Магистр после церемонии разрешил мне немного отвлечься.

– Главный Магистр? – удивился Ягель, но Пабло его не слышал.

– Жаль, что тебя не было. Ты бы видел эту роскошную церемонию! Главный зал был украшен золотыми лентами, народу собралось – не продохнуть, многие получили свои заслуженные Кисти, а некоторые счастливики, как я, получили Золотую кисть! Ты не представляешь себе, какая она красивая! – Пабло потянул друга в квартиру, чтобы похвастаться своим достижением, но Ягель остановил его.

– Подожди, а кто вручал Кисти?

– Ну как «кто»? Конечно, Главный Магистр! – засмеялся Пабло.

Ягель внимательно смотрел на него.

– С полудня и до двух часов дня Главный Магистр находился рядом со мной в правом крыле галереи, где я пересдавал экзамен. Я был в галерее, проходил мимо главного зала, там никого не было. Объясни, как такое возможно? И как возможно, что Главный Магистр был одновременно в двух местах? Он умеет управлять временем?

– По-моему, ты слишком зациклен на мелочах, – отмахнулся Пабло, полностью поглощённый своим успехом. – Да проходи уже, – он подтолкнул друга в комнату.

Ягель тяжело вздохнул, но решил не перечить счастливому выпускнику и по совместительству очень упрямому Художнику и прошёл в единственную комнату, служившую Пабло

на данный момент и спальней, и гостиной для встречи друзей, и мастерской. Привычные глазу большие мольберты стояли в углу, аккуратно прислонённые друг к другу, а в мягких креслах и на диване удобно расположились счастливые Художники, получившие свои Кисти, и кто лениво, кто с блаженством, кто с упоением потягивали из высоких бокалов различные алкогольные напитки и соки. Сейчас в этой комнате безраздельно царило умиротворённое блаженство и наслаждение жизнью, а в воздухе явственно пахло долгожданной свободой и предвкушением счастливого будущего.

Среди присутствующих Ягель заметил довольную Мариетту. Она взирала на всех с каким-то материнским умилением, не имея возможности по своей женской природе сполна ощутить царящую в комнате радость и свободу. Так было принято в Полисе, что получить Кисть и стать Художником мог только мужчина, а женщина имела право стать лишь хорошей Хозяйкой. Мариетта несколько выделялась из общей массы собравшихся выпускников, находясь тем не менее в самом центре компании, в которой она была единственной девушкой. Её звонкий смех нежно обволакивал все чувства, заставляя смеяться ей в ответ; непослушные рыжие локоны, которые она ежеминутно откидывала назад, ярким всполохом мелькали по комнате; удивительно красивые изумрудно-зелёные глаза искрились от переполнявшего её желания. Ягель со смешанным чувством удивления, радости и какой-то жалости от возможной скорой «потери» друга наблюдал за разительными переменами в поведении Мариетты и не мог узнать её. Та всегда весёлая и совершенно недосыгаемая для Пабло официантка из бара, которую Ягель привык видеть каждую ночь, словно испарилась, а на её месте вдруг оказалась счастливая, нежная, открытая, серьёзно настроенная и готовая к отношениям женщина. Вся её натура дышала желанием создать союз с Пабло, стать Хозяйкой и переехать в отдельный симпатичный домик с ухоженным садом, уютной кухней и камином в гостиной. Она *уже* чувствовала себя в квартире Пабло достаточно раскованно и спокойно.

Увидев Ягеля, Мариетта радостно подскочила к нему, поприветствовав тёплой улыбкой и крепкими объятиями, привычным жестом официантки перехватила бокал свободной рукой и уверенно направилась в сторону кухни, чтобы наполнить его.

Ягель дёрнул друга за рубашку и шёпотом сказал:

– У вас с Мариеттой всё так быстро наладилось, здорово! Я очень рад за вас! Что планируете дальше?

Пабло усадил его в свободное кресло и сел на подлокотник, Мариетта уже спешила к ним с двумя бокалами, один из которых тут же плавно опустился в руки Ягеля. Тот сделал глоток, с опаской пробуя на вкус содержимое, но напиток не разочаровал его, наоборот, одарил приятной терпкой сладостью. Мариетта с видом удовлетворённого шеф-повара взирала на содеянное, при этом она стояла около Пабло, нежно поглаживая его шею. Тот, прищурившись и мурлыкая, словно довольный кот, пробормотал:

– Я сам в восторге! Она внезапно дала мне шанс, и вот мы вместе! Даже поверить своему счастью не могу, – он открыл один глаз и нежно посмотрел на девушку. – Подумать только, ещё несколько дней назад я был обычным выпускником, мечтающим о призрачной карьере Художника судьбы, и уже сегодня я счастливый обладатель Золотой кисти и без пяти минут муж самой прекрасной женщины в Полисе!

Мариетта довольно рассмеялась и, поцеловав его в щёку, отошла в сторону, чтобы не смущать друзей и дать им возможность пообщаться.

– Как же всё грамотно устроено у Великого Правителя, – Пабло продолжал делиться с Ягелем своими счастливыми мыслями. – И как только он понимает, в какой момент и кого с кем нужно свести?

– Ты что же, искренне веришь, что ваше безоблачное счастье с Мариеттой подстроил Великий Правитель? – Ягель, до этого страстно желавший вставить хоть слово в счастливый монолог Пабло, вдруг услышав от него такие слова, нахмурился.

– Не подстроил, а грамотно спланировал, – кивнул Пабло. – Конечно, а как же ещё?!

– Ну ладно, в то, что жизнью Людей управляет не некая высшая сила, а они сами творят свою судьбу, ты не веришь. Но мы-то, мы? Неужели ты искренне веришь, что наша жизнь тоже уже где-то прописана, нарисована, заранее кем-то распланирована? И все эти именные планы пылятся где-то в личных архивах Великого Правителя, и иногда по ночам он достаёт наугад некоторые из них и перечитывает, чтобы всё сделать правильно, по плану? – Ягель настолько эмоционально воспринял слова друга, что, начав эту пламенную речь, ему было уже сложно остановиться, но нужно было перевести дух.

Он злился на себя, что опять затеял этот разговор, по сути, очень напоминавший их ночной разговор в баре, после которого они поссорились. Но идеи, которые каждый день выдавал ему Пабло, не просто раздражали его, а уже начинали пугать. Кто мог занести в здравомыслящий мозг адекватного Художника такие нелепые мысли?

Пабло, даже не проявляя каких-либо признаков обиды или раздражения, молча смотрел на Ягеля, и тому на миг показалось, что его друг очень похож на загнипнотизированного человека. Откинув эту мысль и приведя свои эмоции в норму, Ягель негромко спросил:

– Почему ты никак не можешь поверить, что Мариетта подарила тебе этот бесценный шанс по собственной воле, просто потому, что *захотела* это сделать, *захотела* прожить с тобой всю жизнь?

– Знаешь, надо бы и твою жизнь устроить, – словно не слыша его, вдруг мечтательно произнёс Пабло. – До получения Кисти тебе, видимо, недолго осталось. Как твой экзамен, кстати?

Ягель обречённо махнул рукой, потеряв надежду договориться с ним, и пожал плечами.

– Странный экзамен получился, но результат вроде неплохой. Хотя, надо сказать, особо я не старался.

– Вот и здорово! – Пабло заметно оживился и начал строить планы. – Получишь Кисть – я поговорю с Главным Магистром, он найдёт тебе место. Тем более, кажется, своего Человека ты уже нашёл, – Пабло подмигнул ему.

Вдруг он вскочил с места и быстро подошёл к объёмному шкафу, в котором, по-видимому, хранилось всё на свете: от носков до великих наград и просто важных вещей, – потому что Пабло вдруг достал на свет блестящую и яркую, как огонь, Золотую кисть, и все присутствующие тут же начали восторженно просить поддержать бесценное сокровище в руках. Пабло с видом спортсмена, выигравшего сложнейшую олимпиаду, победоносно поднял Кисть и с некоторым сожалением отдал ребятам.

– Внушительная, – с неподдельным восторгом сказал Ягель, разглядывая Кисть.

Она притягивала к себе взгляд, манила необыкновенным светом, исходящим как будто изнутри, словно душа этой вещи рвалась наружу. В руках она лежала очень удобно, что было немаловажным фактором для Художника, по весу была очень лёгкой, хотя по её виду так сразу и не определишь, даже наоборот, наверняка, предположишь, что она достаточно тяжёлая.

– Почему она хранится у тебя в шкафу? – усмехнулся Ягель, насладившись созерцанием Кисти и передавая её жажущим. – Ведь это твоя победа, твое достижение! Ты должен выставить её на самое видное и заметное место в комнате!

Пабло смутился.

– Да я, честно говоря, просто не ожидал, что столько народу придёт на мой маленький праздник, и по-быстрому запихнул всё, что мешалось, в шкаф. А Кисть я захватил по инерции, не задумываясь. Ну, тебе нравится? Ты ощутил исходящую от неё энергию?

– Кисть шикарная, я безмерно рад за тебя и горжусь своим лучшим другом, – кивнул Ягель, чтобы порадовать Пабло. – Но я совершенно не горю желанием получить такую же. Я только-только стал задумываться над обычной Кистью, больше даже чтобы потешить своё самолюбие, нежели чем начать карьеру Художника судеб. Да и не хочу я больше зависеть

от Главного Магистра. Давай подождём результатов пересдачи, прежде чем делать какие-то выводы и говорить громкие слова.

Ягель сидел у Пабло до ночи, общаясь со всеми на совершенно отвлечённые темы. Не затрагивая тему работы с Человеком, он тем не менее ловил себя на мысли, что думает о произошедшем с ним и о словах Магистра на этот счёт. Уже глубокой ночью, направляясь к себе домой, в такую же одинокую холостяцкую квартиру, как у Пабло, в соседней многоэтажке, Ягель вдруг ощутил, что с этим событием что-то внутри него сломалось, поменялось, потеряло былую силу, но что это было такое, он пока не мог с точностью сказать.

3

Прозвенел звонок, и Ягель немного поёжился, ощущая себя снова студентом. В большой зал, очень напоминающий университетскую аудиторию, вошёл высокий мужчина в костюме со стопкой бумаг в руках и занял место за столом в центре зала. Шумевшие до этого Художники замолчали и с интересом уставились на него.

– Добро пожаловать на наши обучающие курсы! – мужчина радостно улыбнулся, как будто «обучающие курсы» призваны были принести всем счастье. – Меня зовут Вандольф. Обращайтесь ко мне сразу же, как появляется какой-либо вопрос, а по опыту я знаю, что они появляются в большом количестве. Итак, для качественной и полноценной работы Художника судьбы тех знаний, которые вы получили в университете, недостаточно, необходимо совершенно чётко понимать, кто такой Человек, как и чем он живёт. Вы прекрасно знаете, что Полис и мир Людей очень сильно отличаются друг от друга, это касается не только времени, которое течёт в наших мирах по-разному, но и самого государственного устройства. Как вы все знаете, в Полисе существует чёткая социальная иерархия, согласно которой каждая каста занимается определённым родом занятий и не имеет права его менять...

– Простите, – в зале уже поднялась первая рука, и Вандольф замолчал, внимательно глядя на вопрошающего. – Меня интересует, почему именно такое устройство существует? Чем оно хорошо и почему в мире Людей всё устроено иначе?

Ягель, начавший было дремать под монотонную лекцию, тут же встрепенулся: этот вопрос волновал его не меньше, и, пожалуй, он тоже желал бы услышать на него ответ.

– Задача наших курсов – это не выяснение причин устройства нашего с вами мира, но понимание того, как устроен мир человеческий, – назидательно и спокойно ответил лектор, и Ягель сник. Видно было, что такой вопрос ему задавали не раз и ответ был заранее подготовлен. – Итак, – Вандольф продолжил речь, – в мире Людей всё устроено по-другому. Каждый Человек вправе сам выбирать род занятий, как мужчины, так и женщины. Однако у Людей существуют другие, так сказать, правила. На Земле есть различные государства, страны, города, есть различные национальности, что нам с вами неведомо. У нас нет пространственных границ, на Земле же они есть. Как время, так и пространство видятся нам и Людям с разных сторон. И мы не можем судить, хорошо это или плохо, мы *обязаны* принимать всё как есть.

«Интересное слово в этом контексте – *обязаны*. Кому и чему обязаны?» – с тоской подумал Ягель.

Он начал думать, что зря пошёл на эти курсы. Ну или хотя бы надо было затащить с собой Пабло, но друг наотрез отказался, мотивируя это своей занятостью. У него остро стоял вопрос с работой, к тому же он, похоже, всерьёз задумался над созданием союза с Мариеттой, благо та давала неоднозначные намёки, и обхаживал её, как умел. Ягелю же, наоборот, нечем было занять своё время: после пересдачи Магистр так и не удосужился объявить результаты, и Ягель решил, что не сдал экзамен и не получит Кисть. Другой на его месте тут же подался бы в подмастерья, как и задумывалось изначально, но Ягелю было любопытно, что же происходит с «его» Человеком, если таковой действительно имеется. В последние дни его всё чаще тянуло к мольберту, причём картины выходили весьма странные: младенцы, пелёнки, врачи в белых халатах, какие-то медицинские трубки и другие приборы, счастливые взрослые пары и всё в таком духе. Неужели же Человек всё-таки родился и кто же это?

– ...всё это вы можете увидеть на схемах и рисунках, – из задумчивости Ягеля вывел голос Вандольфа, который зашуршал бумагами, разделяя их на мелкие стопочки, и подошёл к первому ряду. – Передавайте по одному листу каждому присутствующему.

Когда Ягель получил свой листок, он удивлённо присвистнул, правда, это осталось незамеченным для остальных Художников, каждый из которых так же внимательно разглядывал полученную копию. Судя по всему Вандольф от социального устройства перешёл к описанию семейной жизни в Полисе и на Земле: на листке было изображено два рисунка, на одном счастливая семья из родителей и ребёнка, на другом – двое влюблённых взрослых без детей.

– А какую семью Вы сами считаете более *нормальной*, господин Вандольф? – Ягель выпалил этот вопрос так быстро, что сам не успел сообразить, когда же он пришёл ему в голову.

– Простите, – вежливо кивнул лектор, – я не могу давать оценок, я вынужден лишь констатировать факты. В Полисе не существует родильных домов, здесь не рождаются дети, здесь при благоприятных условиях *появляются* уже сформированные личности с заложенной программой поведения, и это всегда считалось нормальным, должным. На Земле всё иначе, весь смысл людской жизни сводится к детям, их рождению, воспитанию и продолжению рода. Так устроена их жизнь, и так устроена наша. Вы когда-нибудь ощущали потребность в родителях? Нет, потому что это не заложено в вашей программе.

– Но каждый из нас нуждается в заботе, разве нет? – ещё один скептический голос из зала. Вандольф согласно кивнул.

– Именно с этой целью и создаются союзы в Полисе – ради комфортной жизни. Но это не семья, это именно союз.

– Позвольте, – возразил ему Ягель, – разве такой... *союз* можно назвать счастливым?

– Счастливым в нашем понимании этого слова – да, безусловно. Счастливым в человеческом понимании – возможно, не до конца. Но и на Земле живут семейные пары без детей, и они вполне счастливы друг с другом, – Вандольф был непреклонен, и Ягелю даже показалось, что всё это смахивает на очередной гипноз.

Ягель откинулся на спинку стула и задумался над словами Вандольфа. *Мы не должны оценивать, мы должны принимать всё как должное.* Да почему же? Что плохого в оценке? Или это чисто человеческое качество, неподвластное Художнику? И может ли быть счастливой семья без ребёнка?

Конец лекции Ягель не слышал, так как был настолько сильно погружён в свои мысли, что очнулся, только когда Вандольф, уже собирая бумаги и отпуская Художников домой, говорил им на прощание:

– Со следующей лекции мы начнём изучать возрастное развитие ребёнка. Для многих из вас, кто уже получил своего первого Человека, это будет очень полезно и весьма кстати.

Ягель вышел из зала в смятении, размышляя, придёт ли он вообще на следующую лекцию. Весь вечер он слонялся по мокрым от дождя улицам Полиса и наконец решил, что не в силах больше ждать и утром он пойдёт к Главному Магистру за результатом экзамена. В конце концов, если его Человек родился, то самое время приняться за работу, если же нет и он ещё и провалил экзамен, то чёрт с ней, с карьерой Художника, не очень-то и хотелось.

– Ягель, проходи, я всё ждал, когда же ты посетишь меня, – Главный Магистр был невозмутим, как всегда.

Ягель по-хозяйски уселся на кресло в его кабинете и, наивно хлопая ресницами, спросил:

– А я ждал, когда Вы сообщите мне результаты пересдачи экзамена.

Главный Магистр довольно улыбнулся:

– Это был не экзамен, Ягель, это была проверка. И ты её успешно прошёл.

Слова зависли в воздухе. Ягель смотрел в голубые глаза Магистра и молчал, пытаясь понять, что он ему говорит.

– Но не до конца, – Магистр с сожалением вздохнул и потянулся к трубке. Раскурив её, он продолжил: – Твои новые картины должны были привести тебя ко мне раньше. Скажи, они не насторожили тебя?

– Мои... картины? – Ягель сглотнул. Чёрт, откуда он знает?

– Сколько ты их уже нарисовал?

– Около десяти, – на автомате ответил Ягель, а сам мысленно перенёлся к своим мольбертам. Так, рисовал он все картины дома, в своей одинокой холостяцкой комнатухе. И сейчас они ровной стопкой лежат в углу его комнаты. Никто не мог этого знать и видеть, он не говорил об этом никому, даже Пабло.

– Хорошо, хорошо, в принципе достаточно. Принеси их мне, и после этого обговорим условия.

– Какие условия? – Ягель уже начинал злиться.

– Твоей работы Художника судьбы.

– Так я... сдал экзамен? – тупо спросил Ягель.

Магистр с интересом посмотрел на него и, отложив дымящуюся трубку, наклонился к нему и загадочным голосом сказал:

– А ты так и не понял? Твой Человек уже родился, это девочка, Ягель. Ты сам на «передаче» нарисовал этот момент.

Белое длинное здание роддома переливалось в первых ранних лучах весеннего солнца. Двое уставших врачей в запачканных кровью медицинских халатах тихо переговаривались на лестнице около родильного отделения.

– Это были самые непростые роды в моей практике, – усталым голосом сообщил один из них. Лицо его, худое и измождённое, выражало ни больше ни меньше вселенскую скорбь. – Мать отказалась от детей перед самым началом схваток, и мы буквально силой заставили её родить. Такого не бывало ещё никогда! – он растерянно покачал головой, словно сам не верил в то, о чём говорил.

– Чем она мотивировала своё решение? – поинтересовался второй, более молодой и явно менее опытный. – Зачем нужно было доводить всё до родов? Она могла бы всё решить на ранних сроках...

Первый хмуро посмотрел на него и резко оборвал:

– Не нам решать это. Но женщина сказала, что в её жизни недавно произошло страшное событие и она ни финансово, ни морально не способна сейчас обеспечить двоих детей. Знаешь... – врач немного помолчал и очень тихо добавил: – У меня такое ощущение, что из-за её нежелания рожать второй ребёнок так и не смог родиться.

Молодой врач выдохнул и с надеждой спросил:

– Но ведь один ребёнок выжил, может удастся её уговорить? Девочке нужна мать...

– Если мать напишет официальный отказ, мы будем вынуждены передать малышку в детский дом. А девчушка получилась чудо какая хорошенькая!

– А если кто-то решит удочерить её? – осторожно спросил молодой врач.

Его собеседник прищурился и удивлённо спросил:

– Генри, ты хоть представляешь, с какими трудностями тебе придётся столкнуться? А Мэри? Ты спросил её согласия?

Молодой врач по имени Генри смутился и ответил:

– Да не то чтобы я про себя говорю... Просто поинтересовался. Жалко девочку.

– Это да, – согласно кивнул врач. – Ладно, что же, надо отдохнуть перед завтрашним днём. Завтра состоится разговор с матерью, может, она передумает и не бросит ребёнка.

Чуть позже утром, когда проходил пересменок и сотрудники были заняты, Генри осторожно открыл дверь отделения, где лежали новорождённые, тихонько подошёл к нужной кровати и с улыбкой посмотрел на спящую девочку.

– Ничего, всё будет хорошо, я не дам тебя в обиду, Мэдди.

4

Генри и его молодая жена Мэри уже второй час сидели в приёмной службы социальной защиты населения и нервно озирались по сторонам. Секретарь строго поглядывала на них из-под стерильно чистых стёкол очков, которые, скорее, были бутафорией, нежели решением проблем со здоровьем.

Мэри тяжело вздохнула и встала, провожаемая молчаливым и внимательным взглядом секретаря, нерешительно подошла к кофейному аппарату и, достав из кошелька купюру, выбрала напиток. Сдача мелкими монетками звонко посыпалась на пол, и Мэри, не успев понять, что отделение выдачи денег сломано, начала суетливо собирать их. Генри кинулся помочь ей и тихо извинился перед секретарём, возмущённо вскочившей со своего места.

– Вас готовы принять, – властно проговорила секретарь и, сжав губы и надменно глядя на них, указала на дверь кабинета начальницы.

Мэри виновато взглянула на секретаря, и они вошли в кабинет.

– Проходите, садитесь, – не менее властным голосом, чем секретарь, прогремела женщина, сидящая за роскошным столом.

Генри и Мэри осторожно опустили в мягкие кожаные кресла напротив стола, и Мэри подумала, сколько же должны зарабатывать начальники в этом чудном заведении, чтобы позволить себе такое рабочее место.

– Итак, вы хотите удочерить девочку, поступившую в дом малютки несколько месяцев назад, – она перебирала длинными тонкими пальцами с огромными перстнями и ярким лаком какие-то документы, пока не нашла нужное.

Пролистав бумаги, женщина подняла на них глаза, и Мэри явно ощутила, что получить разрешение на удочерение им будет невероятно сложно. Женщина сложила руки домиком и, глядя им в глаза, спросила:

– Расскажите же, какие действия вы для этого предприняли?

Генри откашлялся и, робко взглянув на жену, начал говорить, не так уверенно, как ему хотелось бы, но настойчивый взгляд сидящей напротив дамы не оставлял ему выбора:

– Мы собрали все документы, которые были в списке для удочерения. К нам в дом несколько раз приходил сотрудник из вашей организации, оценивал условия, в которых мы живём, расспрашивал о наших взаимоотношениях, о готовности взять ребёнка. Мы с женой полностью готовы принять малышку, – Генри замолчал, посмотрев на начальницу, которая ничем не проявляла ни заинтересованности в его словах, ни раздражения, ни вообще каких-либо иных чувств.

– Вы сдали необходимые медицинские анализы, насколько я вижу, – начальница службы социальной защиты вытащила из стопки бумаг нужный листок и пробежала глазами. – Результаты нас устраивают. В общем-то я могу сказать, что нас практически всё устраивает. У меня к вам только один последний вопрос, – её взгляд немного смягчился, однако она продолжала внимательно смотреть на молодую пару, буквально сжавшуюся от нетерпения в креслах напротив. – Вы осведомлены о неблагополучной семье девочки: её мать оказалась в трудной финансовой и психологической ситуации и отказалась от неё практически во время родов, а отец скрылся ещё во время беременности женщины в совершенно неизвестном направлении и до сих пор находится непонятно где. Готовы ли вы взять *такого* ребёнка?

– Что Вы имеете в виду под словом «такого»? – голос Генри предательски дрогнул.

Начальница вдруг лучезарно улыбнулась во все 32 блестящих ровных зуба, увидев, что мужчина засомневался, и, сделав печальное и обеспокоенное лицо, сказала:

– Вы же знаете, что детей должно было родиться двое. Второй ребёнок погиб в родах и... видимо, в силу пережитого эмоционального стресса матери и нездоровых родов у девочки сейчас наблюдаются некоторые... ммм... отклонения в развитии.

– Какие отклонения, ей всего три месяца от роду! – не выдержав, воскликнул Генри.

– Уже три месяца, – поправила её начальница, сделав акцент на первом слове. – Поверьте, очень плохо, когда уже в таком раннем возрасте начинают проявляться отклонения. Врачи обнаружили у девочки предрасположенность к некоторым заболеваниям. Возможно, это генетика, её родители также не вполне здоровы.

Генри взглянул на жену и тихо ответил:

– Понимаете, дело в том, что по определённым обстоятельствам Мэри не может иметь детей, поэтому мы твёрдо решили взять девочку. Тем более с её ситуацией я прекрасно знаком, поскольку лично принимал участие в родах.

– Возможно, вам стоит подождать и понаблюдать за девочкой какое-то время? Возможно, не стоит брать её в таком раннем возрасте? – начальница ухватила за последний шанс уговорить их отказаться от девочки. – Девочку явно ждёт не самая счастливая судьба.

При этих словах Генри не выдержал и вскочил с места, отчего испугавшаяся Мэри вскрикнула, а начальница изящно изогнула брови, давая понять, что такое поведение здесь не только неуместно, но и недопустимо.

– Скажите прямо, чем мы вас не устраиваем? Мы готовы взять девочку, мы любим её всей душой, мы несколько месяцев сдавали анализы и собирали документы, всё ради неё, чего же вам ещё надо? Мне казалось, ваша организация должна быть только рада положительным родителям! – Генри укоризненно посмотрел на начальницу и безнадежно махнул рукой. – А вы зачем-то пытаетесь отговорить нас взять её. Пойдём, Мэри, – Генри взял жену за руку и повёл к двери. – Мы придём в другой раз.

Начальница молча смотрела им вслед, пока секретарь по внутренней связи не доложила ей, что посетители покинули их офис. Почему-то женщина так и не ощутила удовлетворённости от того, что всё-таки добилась своего и молодая пара не получила разрешение на удочерение. Она пыталась внутренне оправдать свои слова и действия тем, что девочка родилась слишком слабой и явно отставала в развитии, а её организм не справлялся с нормальным функционированием и она не может отдавать такого ребёнка. Но вдруг она подумала: а почему именно *она* должна решать, кому и как жить? Сегодня она явственно ощутила, что молодая пара безмерно любит эту несчастную девочку и готова взять её к себе несмотря ни на что.

Поразмыслив ещё пару минут, начальница с тихим скрипом выдвинула из роскошного стола не менее роскошный ящик, обитый изнутри мягким тёмно-зелёным бархатом, и достала оттуда изящную позолоченную печать. Улыбнувшись и чувствуя, что совершает нечто важное в своей жизни (может быть, впервые), она вытащила из лежащей на столе папки с документами нужный листок с заявлением Генри и Мэри о желании удочерить ребёнка и решительно поставила на заявлении печать «Разрешено».

Ягель в прекрасном настроении спешил к Пабло. Наконец он выбрал время в своём «плотном» графике, и беседа с лучшим другом должна была, как он считал, положительно сказаться и на его самочувствии, и на их пошатнувшихся в последнее время взаимоотношениях.

Пабло уже ждал его и сразу открыл дверь.

– Давай по чаю? – предложил Ягель, душевно обнимая друга и чувствуя, что его поддержка сейчас важнее всего.

Пабло улыбнулся и поспешил на кухню. Вскоре он принёс в комнату две кружки горячего чая, и друзья уселись на диван. Среди мольбертов, красок и прочего арсенала Художника,

на самом видном месте в центре стеклянного стеллажа, стояла, поблёскивая в ярком дневном свете, Золотая кисть.

Ягель, кивнув на неё, поинтересовался:

– Как успехи? Ты доволен работой?

Пабло тут же гордо заулыбался, словно только и ждал от друга этого вопроса и, открыв дверцу шкафа, достал предмет, очень похожий на песочные часы.

– Это мой личный Регулятор времени, – он протянул часы Ягелю, и тот с интересом повертел их в руках.

– Занятная вещь, – Ягель повернул часы вниз, и тягучий густой песок медленно последовал за этим движением.

Пабло в ужасе остановил его и забрал часы, бережно поставив их в шкаф.

– С ума сошел? Это же *время!* – в его голосе читалось неподдельное благоговение. – И этот Регулятор привязан к моему Человеку, ты сейчас запросто мог бы разрушить всю его судьбу, которую я так бережно рисую уже на протяжении нескольких недель!

– Прости, – виновато сказал Ягель. – Кстати, насчёт Человека. Магистр нашёл его для тебя?

С тех пор как Пабло получил Золотую кисть и вместе с ней разрешение на работу с Человеком, прошло больше месяца, но он долгое время не мог найти своего Человека. Иногда такое случается с Художниками, нужно лишь подождать, но Пабло сильно переживал, чувствуя в этом свою вину. Главному Магистру пришлось провести с ним несколько разъяснительных бесед о том, что даже лучшие и непревзойденные в своём мастерстве Художники не сразу нашли своего Человека.

– Да, я работаю сейчас с ним, – охотно ответил Пабло. – Я забрал его у Дарена, это очень опытный Художник. У него всё равно сейчас трое людей, и из них двое – муж и жена. Ты же знаешь, рисовать одновременно судьбы родственников очень непросто.

– Я даже представить себе этого не могу, это ведь так сложно. Рисование одной судьбы всё ещё кажется мне невероятно кропотливым делом.

– Для этого и существует Регулятор времени, – подмигнул ему Пабло. – На самом деле, рисование нескольких судеб одновременно позволяют только хорошо зарекомендовавшим себя Художникам. Мне об этом пока и мечтать нельзя. Я сейчас только знакомлюсь с жизнью Человека, Дарен передал мне его уже взрослым и сформировавшимся. Мне нужно привыкнуть к нему, «притереться», так сказать. Когда ты получаешь ребёнка, всё проще. Ты с ним практически всю жизнь и успеваешь довольно быстро узнать его. Со взрослым Человеком любое неосторожное движение может пагубно отразиться на его судьбе.

– Как насчёт меня? Думаешь, Магистр тоже выдаст мне Регулятор? – задумчиво спросил Ягель, рассматривая золотистый в лучах солнечного света песок в часах Пабло.

– Регулятор выдают каждому Художнику, получившему Кисть и право работать с Человеком, – с видом знатока, отвечающего на решающий вопрос викторины, ответил Пабло. – Я не понимаю, почему Магистр до сих пор не выдал тебе Кисть. Он же объявил твои превосходные результаты пересдачи, ты с успехом закончил обучение, где же Кисть? – в голосе «знатока» теперь явно звучала растерянность.

Ягель пожал плечами.

– Видимо, я должен чем-то ещё заслужить священное право рисования судьбы. Магистр явно чего-то ждёт. Он ежедневно вызывает меня к себе и докладывает свежие новости об этой девочке, Мэдди. Как думаешь, почему он лично занимается этим вопросом?

Пабло удивлённо вскинул брови и слегка обиженно сказал:

– Ты ничего об этом не говорил! Он каждый день общается с тобой на эту тему? Видимо, Мэдди это действительно *твой* Человек... Хотя это всё равно не объясняет, почему Магистр лично занимается твоим вопросом, ведь на это есть помощники.

В последних словах Пабло прозвучала нотка ревности, и Ягель хмуро заявил:

– Я бы с удовольствием отказался от этих встреч, если б мог! Но без этого я не получу Кисть, а мне уже, знаешь ли, интересно, чем дело кончится. И вообще интересно, откуда такой ажиотаж.

– А что тебе уже известно об этой Мэдди? – совладав со своими эмоциями, с интересом спросил Пабло.

Ягель пожал плечами:

– Родилась в неблагополучной семье, мать отказалась от неё, и её бы ждал детский дом, если бы не молодая пара, удочерившая её. Насколько я понял, отец – это врач, который принимал роды. Видимо, проникся судьбой девочки.

– Как интересно всё у людей устроено! А кто сейчас пишет её судьбу, если не ты?

– Магистр сказал, если Художник по какой-то причине не может сразу приступить к работе с ребёнком, допускается, чтобы до года его судьбу писал Художник одного из родителей. Потом её, судя по всему, передадут мне.

– Ой, как мне не нравятся все эти ситуации с «передачей» людей, – проворчал Пабло, поёжившись и, видимо, думая о своём случае. – Это ненормально и добром явно не кончится.

– Не нагнетай панику, и так тошно, – Ягель хлопнул его по плечу. – Я уже рисую некоторые события из её жизни и каждый раз приношу нарисованное Магистру. У меня ощущение, что он будто... проверяет меня.

– Как ты можешь рисовать события из её жизни, если даже не видел её? – удивился Пабло, почёсывая затылок. – Или видел?

– Только на своих картинах, – покачал головой Ягель. – Но она ещё ребёнок, ей нет и года. Ладно, всё наладится. Слушай, погода замечательная, пойдём прогуляемся, а? Ты же ещё вроде к Мариетте хотел зайти?

– Да, пойдём, – кивнул Пабло и расплылся в довольной улыбке, подумав о приятной встрече.

5

В блестящих лужах на асфальтовых ухоженных дорожках отражалось весеннее солнце. Пять минут назад ещё всю гремел гром и сверкали молнии, а сейчас на небе выглянуло яркое солнце. Мэри, страдающая метеозависимостью, ещё никак не могла привыкнуть к резким переменам погоды в этом районе Города, сверкающем только построенными домиками с черепичными крышами, и выглядела довольно бледной. Прижав указательные пальцы к вискам, она медленно раскачивалась взад-вперёд на пассажирском сиденье подержанной, но вполне сносной иномарки, которую они с Генри взяли в кредит.

– Путь неблизкий, честно говоря, – повернувшись к мужу, проговорила Мэри, вздыхая.

– Потерпи, дорогая. Зато у нас теперь есть собственный дом, пусть и небольшой, пусть и не в самом престижном районе. Есть машина и чудная дочка, – он оглянулся на заднее сиденье, где в детском креслице была пристёгнута Мэдди, и подмигнул ей. – Могла ли ты когда-нибудь мечтать о таком?

– Даже складывается такое ощущение, что это Мэдди принесла нам удачу, – слабо улыбнулась Мэри. – Помнишь, сколько проблем было с её удочерением, как не хотели нам её отдавать? А сейчас у тебя уже новая работа, новый дом и почти новая машина! Как отблагодарим её на юбилейный первый день рождения, который, кстати, совсем скоро?

– Давай сделаем сногшибательный ремонт в детской? Я присмотрел отличную комнатку на втором этаже для этого.

– Романтик, – засмеялась Мэри и тут же поморщилась: мигрень угнетала её. Оставшуюся дорогу она ехала молча, пытаясь унять боль.

– Открывай! – радостно провозгласил Генри, убрав руки с лица жены.

Мэри осторожно приоткрыла глаза и ахнула, восторженно захлопав в ладоши.

– И как ты всё успел? Ты у меня чудо! Слышишь, Мэдди, нам повезло с папой!

Отремонтированная детская комната на втором этаже выглядела прекрасно: свежепокрашенные стены кремового цвета, новая мебель пастельных тонов, изящные плафоны на потолке, детская кроватка с ажурным балдахином и море мягких игрушек повсюду. А ведь всего две недели назад они только заехали в новый дом.

Мэдди стояла около Мэри, держа её за подол халата, и усиленно сосала кулак. Девочка оставалась немного замкнутой, хотя прошёл почти год с её рождения, она давно жила в новой, любящей её семье и все негативные впечатления должны были исчезнуть.

Мэри взяла её на руки и поднесла к кроватке.

– Ну же, посмотри, какую красоту папа навёл!

Мэдди посмотрела на мать и неуверенно протянула руку к балдахину, но тут же передумала и отдернула её. Уткнувшись в плечо Мэри, она зарыдала в голос.

Родители поспешили вынести ребёнка из комнаты.

– Не дави на неё, пусть привыкнет, – спокойно сказал Генри, наливая в кухне чай. – Это новая обстановка, всё непривычно. Мало того что новый дом, так теперь и спать придётся не с мамой и папой, а отдельно в своей новой комнате.

Мэри отпустила девочку на пол, и та, плюхнувшись на четвереньки, поползла к своим игрушкам. Мэри посмотрела ей вслед и, повернувшись к мужу, постучала пальцами об стол.

– Знаешь, о чём я думаю? А вдруг это депрессивное состояние невозможно вылечить? Вдруг она останется такой навсегда?

Генри ласково посмотрел на жену и накрыл её руку своей.

– Дорогая, ты забыла, что я врач? Конечно же, это всё пройдёт, нужно только время, я тебе уже говорил. Она абсолютно нормальный ребёнок, просто сильно травмирована нездоровыми родами.

– Но прошёл год, почти год! – возразила Мэри. – Она живёт с нами уже больше восьми месяцев, и мы безмерно её любим! Так что не так? Посмотри на неё! Ей год, а она ещё не ходит, только ползает! Это отставание в развитии...

– Мэри, все дети разные: кто-то уже чуть ли не бегает в год, а кто-то только ползает, как Мэдди, в этом нет ничего страшного. Это было бы отставанием в развитии, если бы в год она только лежала и махала руками, как новорождённый.

– Но она боится других детей, – продолжала возражать Мэри. – Она не просто не общается с ними, она рыдает и убегает!

Генри отставил кружку и встал. На лице его была написана решительность.

– Мы уже тысячу раз говорили с тобой на эту тему, ты словно не слышишь меня! Мэри, меня назначили педиатром в больнице, как ты считаешь, я ничего не понимаю в детях? Но хорошо же, я тебя услышал. Я запишу тебя на завтра к доктору Коулсу, это детский невролог. Покажешь ему Мэдди и задашь все интересующие тебя вопросы.

Сказав это, Генри встал и быстро вышел из кухни, борясь со своими эмоциями.

– Что? Как это возможно? – Пабло озадаченно смотрел на друга. Потом нахмурился и помотал головой. – Подожди, как это – *никто не пишет её судьбу?!* Такого быть не может!

Ягель в гневе ходил из угла в угол, размахивая руками.

– И он это допустил, твой любимый Главный Магистр! – Ягель яростно сверкнул глазами. – Больше того скажу, я думаю, он это и затеял.

– Да зачем ему это надо? – Пабло продолжал хмуриться.

– Нам на курсах говорили, что Человек впадает в депрессию, если его судьбу никто не пишет. А теперь представь, *что* должна чувствовать годовалая девочка! – Ягель ударил кулаком в стену, и приличный кусок штукатурки свалился на пол.

– Подожди, а как же твои рисунки? Ты же рисуешь её судьбу, разве нет? – с надеждой спросил Пабло и вдруг ощутил укол совести: в последнее время он был так поглощён работой со своим Человеком, что не очень интересовался делами Ягеля.

– Рисую, но официально я ещё не назначен Художником судьбы. Магистр выдал мне Кисть, но нужно же получить официальное разрешение, к тому же этот Регулятор времени, мне его тоже никто не выдавал. Очень тёмная история какая-то выходит.

– А ваши встречи продолжаются? Магистр вызывает тебя к себе и докладывает про... как её зовут, прости, я забыл?

– Мэдди, – сквозь зубы кинул Ягель и недобро посмотрел на друга. – Продолжаются. Он рассказывает мне про неё. И, опережая твой закономерный вопрос, да, я спрашивал его неоднократно об этой ситуации, но он отмалчивается, а как ты сам понимаешь, давить на него я не имею никакого права. Мои рисунки относительно её судьбы безупречны, как он говорит. Вообще я подозреваю, что всё это одна большая проверка. Я думаю, он проверяет меня, насколько я подхожу ей как Художник судьбы.

– Но я впервые о таком слышу! – Пабло не выдержал и повысил голос в удивлении. – Что за новости – проверять Художника! Ты прошёл все проверки, сдал экзамен, получил Кисть, ходишь на курсы! Более того, с тобой тогда произошёл этот случай, который подтверждает, как сам Магистр и сказал, что Мэдди это *та самая!*

– Я сам ничего не понимаю, – голос Ягеля потерял злые нотки и стал каким-то печальным. Потом он исподлобья посмотрел на друга и тихо проговорил: – Вчера я поговорил с Художником, который рисует судьбу Мэри, Магистр говорил, что якобы он занимается и Мэдди. Так вот, он даже ничего об этом не знает!

– Ты думаешь, Магистр специально... не отдаёт её тебе? – Пабло замялся, подбирая слова. Звучало это дико и неправдоподобно.

– Я не знаю, но собираюсь это выяснить.

В кабинете Главного Магистра пахло табаком и старинными книгами. Помощник Магистра сидел напротив своего начальника и быстро записывал в блокнот указания.

– Сегодня же проверь в нашем архиве полку Д 2367, ту самую папку. Кажется, мы что-то неправильно сделали, хотя такого быть не может... – голос Главного Магистра звучал задумчиво. Он набивал табаком свою трубку и отстранённо смотрел в окно, над чем-то размышляя. – Если будут изменения, принеси папку мне, я должен понять, в чём дело. Да, вызови Ягеля, сейчас же.

Помощник кивнул и, забрав блокнот, удалился исполнять приказание.

Ягель не заставил себя ждать, поскольку и сам уже направлялся в кабинет Магистра. Он постучался и, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно вошёл внутрь. Магистр находился в том же положении, что и несколько минут назад, когда его помощник сидел напротив, и не сдвинулся с места с появлением Ягеля.

– Я знаю, что у тебя есть ко мне вопросы, – начал Магистр и повернулся к художнику. – Спрашивай, ты имеешь право знать.

– Наверное, главный вопрос будет звучать так: почему мне не дают разрешения на работу с Мэдди? – Ягель говорил ровным голосом, но в душе его всё кипело от злости. – Кажется, я сдал экзамен, прошёл все проверки, получил Кисть от Вас лично, – он достал из сумки Кисть и повертел ей перед носом Магистра, словно тот мог забыть, как она выглядит.

– Да, я знал, что ты спросишь. Мы... проверяем, подходит ли тебе Мэдди, – Магистр говорил осторожно, подбирая слова.

– Проверяете? Что можно ещё проверить? Вы подвергаете проверке меня, с этим я согласен, но при чём здесь Человек? Вы неоднократно уже убеждались, что это *мой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.